

Григорьева Марина Анатольевна

соискатель кафедры политологии
Ставропольского государственного университета
тел.: (8962) 452-84-02

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА
(ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ
ГОМИЦИДАЛЬНЫХ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКЦИЙ:
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ
ГЕНДЕРНУЮ ЛИНЗУ)**

Аннотация:

В статье рассматривается феномен участия женщин в гомицидальных террористических акциях: мотивы и феминистический подтекст; механизмы присоединения к радикальным экстремистским организациям, действующим под исламским прикрытием; организационные императивы и тактические преимущества, способствующие ослаблению сексод-ограничений на входе; условия и роль, отведенные женщинам в организациях, а также численные показатели, демонстрирующие векторное направление, в котором прогрессирует феномен.

Ключевые слова:

гомицидальный терроризм, терроризм под исламским прикрытием, джихад, экстремизм, моджаидат, гендер, гендерная линза, мотивы фемининного порядка.

Grigoryeva Marina Anatolyevna

post-graduate student of the chair of
political sciences,
Stavropol State University
tel.: (8962) 452-84-02

**GENDER ASPECT OF
POLITICAL TERRORISM
(PRACTICE OF EXECUTION OF
HOMICIDE TERRORIST ACTIONS:
VIEW THROUGH
GENDER LENS)**

The summary:

The article researches the phenomenon of participation of women in homicide terrorism: motives and feminist implied sense; mechanisms of joining to the radical extremist organizations operating under Islamic cover; organizational imperatives and the tactical advantages promoting easing of sexcode-restrictions on input; conditions and the role, taken away to women in the organizations, and also the numerical indicators showing vector direction in which the phenomenon will progress.

Keywords:

homicide terrorism, terrorism under islamic cover, jihad, extremism, mujaidaat, gender, gendered lens, motives of female order.

Будучи расцененным как мужское явление, терроризм на сегодняшний день требует пересмотра сквозь гендерную линзу и обозначения в качестве изолированного аспекта женской причастности к гомицидальному [1] терроризму. Участие женщин в гомицидальной террористической деятельности продемонстрировало снятие контроля над женским телом, освободившее его от приписанной сакральности источника продолжения рода. По словам бывшего агента ЦРУ Марка Сэджемена, «женщины – наиболее радикализированный элемент общества» [2], и, тем не менее, элемент, воспринимаемый обществом стереотипно, и потому прецеденты участия женщин в террористической деятельности интерпретируются скорее в качестве исключения. Безусловно, это напрямую затрагивает вопросы роли, степени участия и мотивации женщин в терроризме под исламским прикрытием.

Исследования показывают, что, несмотря на высокий процент участия, женщины играют маргинальную роль в экстремистски настроенных террористических организациях, в силу того, что традиционно женщина воспринимается как объект насилия, а не как его субъект. Террористки-смертницы появляются, как правило, в обществах, которые являются в большей степени традиционными и консервативными, где женщины испытывают недостаток в равных правах, и их статус в обществе намного ниже социального статуса мужчин. Большинство аналитиков видят в участии женщин в гомицидальных террористических акциях организационные императивы и тактические преимущества. В частности, работа сил безопасности значительно затруднена необходимостью соблюдать ряд весьма консервативных социальных норм и ценностей исламского общества, благодаря чему террористки-смертницы существенно дополняют асимметричный набор инструментов. В то же время высокий «КПД» участия женщин не объясняет, почему одни экстремистские группы делают ставку на данную тактику, а другие – напротив, вводят «сексод»-ограничения на входе.

Вхождение женщин в террористические организации, связанные с глобальным джихадом, такие как ФАТХ, Палестинский исламский джихад, Народный фронт освобождения Палестины,

Хамас и другие, изначально было затруднено: исламские клерикалы протестовали, а отдельные из них продолжают выступать против женской причастности к джихаду. Несмотря на это, женская роль в религиозном терроризме растет, в частности, в Израиле, Ираке, Иордании, Ливане и Чечне. «Женская рука» радикального исламского терроризма получила название моджаидат [3, р. 21]. В августе 2001 г. Высший совет улемов и верховный муфтий Саудовской Аравии призвал всех, независимо от половой принадлежности и возраста, участвовать в террористических атаках от имени джихада, не дожидаясь легитимизации права от лица клерикалов [4, р. 54–62]. Процесс оказался необратим, и в мае 2004 г. вопрос законности отчасти был решен: главный египетский клерикал Юсуф Кардави выпустил фетву в ответ на женскую террористическую атаку в Афуле и заявил, что «акт – форма мученичества во имя Аллаха..., и женщина должна выйти для джихада даже без согласия на то ее мужа...» [5]. В начале 2003 г. Палестинский исламский джихад (PIJ) объявил об обращении к более либеральному представлению женщин, участвующих в террористической деятельности. PIJ объявил, что признает легитимность положения террористок-смертниц в целях усиления кадрового и структурно-организационного потенциала, вскоре после того объявив о начале кампании пополнения рядов, сосредоточив усилия на университетах [6]. В феврале 2002 г. духовный лидер Хамас Шейх Яссин также содействовал численному кадровому росту организации за счет приема женщин. Так, первой женщиной, которая выполнила террористическую атаку от имени Хамас, в январе 2004 г. стала Рим ар-Рияши [7]. Хамас недавно показал, что десятки женщин в Секторе Газа присоединились к его военизированному крылу Изадин аль-Кассам и готовы выполнить нападение на Израиль [8]. В августе 2004 г. электронный журнал Аль-Ханса выступил с призывом участвовать в джихаде во множестве путей, отражая развивающуюся дуальность женской натуры, как мать, жена, сестра и дочь – в семье, как педагог, проповедник ислама и джихада – в обществе [9, р. 54–62]. В результате палестинские женщины все активнее оказываются вовлечены в публичную жизнь, начиная со вспышки интифады Аль-Аксы.

Мотивация женщин, обратившихся к гомицидальному терроризму, согласно авторской позиции, имеет отличительные стороны – составляющие, которые имеют отчетливые гендерные особенности, связанные с социальной ролью, представлениями о чести и достоинстве женщин в традиционном этническом обществе: *этнонациональная* и *этическая*.

Первая составляющая связана с крайней консервативностью принципов мусульманской социальной доктрины в ее «женском измерении». Отсутствие поведенческих альтернатив неизбежно приводит к провокации. Как правило, подобный поведенческий тип демонстрируется женщиной, не вписывающейся в культурные паттерны, обладающей независимым характером, незаурядными способностями, не соответствующей социальным стандартам родного сообщества и потому подвергаемой социальному ostracismu. Для традиционного этнического общества, в котором семейная жизнь и продление рода – важнейшие ценности, главным признаком отклонения от нормы может быть отсутствие семьи и детей. Социальное давление в таком случае играет крайне важную роль в формировании мотивации смертницы, которая не видит возможности исполнить свою обычную жизненную миссию супруги и матери. Благодаря этому, в условиях радикализации этнонационального самосознания и влияния радикальной субкультуры религиозного экстремизма она обретает новое видение своего предназначения. Такой путь был выбран палестинскими смертницами Вафой Идрис, Дариной Абу Айшех, Ханади Джарадат, Фаязой Амал Джумэ'а.

Вторая составляющая, которую проблематично рассматривать без привязки к первой, представляет путь искупления социально неодобряемого поступка (измена, изнасилование и др.), в ряде случаев карающегося смертью. В качестве наиболее достойной формы реабилитации в глазах семьи и окружающего сообщества становится участие в «мученической операции». Одним из распространенных случаев можно считать попытку восстановления утраченной чести и невинности и собственного «падения» в глазах общества путем исполнения джихада. Это подтверждают примеры Айят аль-Ахрас, Андлид Такатка, Рим ар-Рияши.

Основные палестинские террористические организации, допускающие в свои ряды в качестве участников женщин: ФАТХ (38 % от общего числа палестинских террористок), Палестинский исламский джихад (8 %, соответственно), Народный фронт освобождения Палестины (6%, соответственно), Хамас (1 %, соответственно) и другие (14 %, соответственно). Большинство женщин (58 %) прежде, до вступления в ряды палестинских террористических организаций, не состояли в браке, 4 % – в разводе, 3 % – замужем, 2 % – вдовы. Наиболее высокий процент приходится на участниц, возрастная группа которых 18–25 лет (39 %), 16 % – 26–35 лет, 11 % – младше 18 лет, 1 % – старше 36 лет. Согласно показателям, образовательный уровень довольно высокий: 26 % получили среднее полное образование, 22 % – высшее образование.

Однако, несмотря на высокие численные показатели, которые демонстрируют участницы палестинских террористических организаций, они существенно уступают шриланкийским организациям, в частности, ТОТИ, что объясняют проблемы «на входе». Так, по данным, приведенным Йорамом Швейцером, в период с 1985 г. по 2006 г. насчитывается более 220 террористок-смертниц, то есть около 15 % от общего числа террористов-смертников во всем мире, и показатель продолжает расти. 33 % (75:225) исполнительниц гомицидальных террористических актов принадлежат к шриланкийским организациям, 30 % (67:225) – к палестинским, 21 % (47:225) – к северокавказским и 7 % (15:225) – к турецким [10]. По численному составу группы: Шри-Ланка насчитывает около 60 % женщин от общего числа террористов-смертников [11, с. 34], Северный Кавказ – 43 %, Турция – 40 %, Палестина – 12 % [12].

По числу гомицидальных террористических актов, исполненных в период с 1980 г. по 2005 г.: в среднем, по данным Мии Блум, 34 % от общего числа гомицидальных террористических атак были совершены женщинами [13]. Конкретнее, из общего числа гомицидальных террористических актов в Турции 67 % были выполнены женщинами, 48 %, соответственно, – на Северном Кавказе, 30–40 %, соответственно, – в Шри-Ланке [14], 15–20 %, соответственно, – в Палестине.

Таким образом, на сегодняшний день мусульманская женщина в значительной степени скована социальными установками и благодаря этому чрезвычайно уязвима, что создает условия для успешного привлечения к террористической деятельности со стороны экстремистских организаций, оценивших тактические преимущества использования женщин. Посредством снятия sexcod-ограничений на входе и видимого имитирования эмансипационных тенденций, религиозный экстремизм, выступающий за сохранение традиционных ценностей, устраняет гендерную асимметрию исключительно перед лицом смерти, наделив женщину равными правами с мужчиной на добровольный уход из жизни. Тем не менее закономерно или случайно процесс запущен: и очевидный численный рост представительства женщин в террористических организациях, преодолев 50 % барьер, неминуемо начнет влиять на гендерную политику и политику в целом, что потенциально способно привести к затуханию борьбы.

Ссылки и примечания:

1. В силу несовершенства термина «суицидальный терроризм», акцентирующего внимание на мученическом и, по сути, героическом поведении субъекта акции и подчеркивающего ложную психологизацию феномена терроризма смертников, С.А. Чудинов предлагает ввести иное терминологическое обозначение – «гомицидальный терроризм», смещающее внимание с гибели исполнителя акции в сторону ее агрессивно-насильственного характера. См.: Чудинов С.А. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). М., 2010.
2. Sageman M. Presentation at the Royal Military College of Canada. Fall, 2004.
3. Ali Farhana. Rocking the cradle to rocking the worlde: the role muslim female fighters // Journal of International women's studies. Vol. 8. № 1. November 2006. P. 21–35.
4. Bloom M. Mother. Daughter. Sister. Bomber // Bulletin of the Atomic Scientists. 2005. Vol. 61. Issue 6. P. 54–62.
5. Beyler C. Messengers of death – female suicide bombers // International policy institute for counterterrorism. 2003. № 3. P. 12–24.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Hamas recruits women terrorists and plans new training site in destroyed jewish towns // Militant islam monitor.org September 8, 2005. URL: <http://www.militantislammonitor.org/article/id/1060> (дата обращения: 05.04.2011).
9. Bloom M. Mother. Daughter. Sister. Bomber... P. 54–62.
10. Schweitzer Y. Introduction // Memorandum. Female suicide bombers: dying of equality. № 84. August 2006. P. 7–12.
11. Dearing M.P. Agency and structure as determinants of female suicide terrorism: a comparative study of three conflict regions: thesis. Monterey, California, 2009.

References (transliterated) and notes:

1. In view of the imperfections of the term "suicide terrorism", which emphasizes martyrdom, and, in fact, heroic behavior of the subject shares and emphasizing false psychologization suicide terrorism phenomenon, S.A. Chudinov proposes to introduce a different terminology designation – "homicide terrorism", shifts the focus from the death of Executive action in the direction of its aggressive and violent. See: Chudinov S.A. Terrorism smertnikov: problemy nauchno-filosofskogo osmysleniya (na materiale radikal'nogo islama). M., 2010.
2. Sageman M. Presentation at the Royal Military College of Canada. Fall, 2004.
3. Ali Farhana. Rocking the cradle to rocking the worlde: the role muslim female fighters // Journal of International women's studies. Vol. 8. No. 1. November 2006. P. 21–35.
4. Bloom M. Mother. Daughter. Sister. Bomber // Bulletin of the Atomic Scientists. 2005. Vol. 61. Issue 6. R. 54–62.
5. Beyler C. Messengers of death – female suicide bombers // International policy institute for counterterrorism. 2003. No. 3. P. 12–24.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Hamas recruits women terrorists and plans new training site in destroyed jewish towns // Militant islam monitor.org September 8, 2005. URL: <http://www.militantislammonitor.org/article/id/1060> (date of access: 05.04.2011).
9. Bloom M. Mother. Daughter. Sister. Bomber... P. 54–62.
10. Schweitzer Y. Introduction // Memorandum. Fe-male suicide bombers: dying of equality. No. 84. August 2006. P. 7–12.
11. Dearing M.P. Agency and structure as determinants of female suicide terrorism: a comparative study of three conflict regions: thesis. Monterey, California, 2009.

12. Schweitzer Y. Palestinian female suicide bombers: reality vs. Myth // Memorandum ... P. 25–41.
13. Bloom M. Terror's stealth weapon: women // Los Angeles Times. Op-Ed. 2005. 29 November. URL: <http://www.latimes.com/news/opinion/commentary/la-oebloom29nov29,0,3416302.story?coll=la-news-comment-opinions> (дата обращения: 15.05.2011).
14. Beyler C. Messengers of death – female suicide bombers... P. 12–24.

12. Schweitzer Y. Palestinian female suicide bombers: reality vs. Myth // Memorandum ... P. 25–41.
13. Bloom M. Terror's stealth weapon: women // Los Angeles Times. Op-Ed. 2005. 29 November. URL: <http://www.latimes.com/news/opinion/commentary/la-oebloom29nov29,0,3416302.story?coll=la-news-comment-opinions> (date of access: 15.05.2011).
14. Beyler C. Messengers of death – female suicide bombers... P. 12–24.